

Вот так просто. Четыре жизненных пути сошлись в тот вечер в одной точке, сплетаясь в темной сырости речного воздуха четырьмя кивками. Пути назад не было. Решение, которое в одно мгновение вместе приняли эти четверо — сын священника, хулиган, любитель розыгрышей и почти мальчишка, раз и навсегда изменило их жизни и жизни многих других людей. Они приступили к его исполнению, совершенно не думая о том, какими страшными последствиями оно обернется.

Грей пошарил рукой в кармане, вытащил горсть презервативов, выдал по одному Клемонсу и Ричардсону, а третий протянул переминающемуся с ноги на ногу пятнадцатилетнему Уинфри. Тот робко потряс головой. Да, он согласился принять участие в ограблении, может даже, немного подражаться, но на большее ему не хватало адреналина. Грея подобный расклад не устраивал, и он буквально всучил Уинфри презерватив, смерив его не терпящим возражений взглядом. Уинфри нерешительно сунул его в карман, сделал глубокий вдох и вслед за приятелями побрел обратно на мост.

* * *

Пятнадцать-двадцать минут спустя Джулия, Робин и Том подошли к дальнему концу моста. Лишь заметив костер на другом берегу реки, они осознали, как далеко забрались. Встали возле перил и молча смотрели на костер и речную воду. Восточная оконечность моста, выходящая в Иллинойс, была уже совсем рядом — темный выступ, заросший растительностью так же густо, как и западный. Оба входа на старый мост, восточный и западный, напоминали готические подпорки для книг, украшенные по-разному, но одинаково неприветливые.

Том обрадовался, когда они остановились, — ему не хотелось выходить на темный противоположный берег. Он смотрел на пляску огня в костре и силуэты людей вокруг. Несколько минут они просто стояли, впитывая красоту ночного пейзажа.

На мосту царила умиротворенная тишина. Троица молча наслаждалась доносившимся снизу гулом Миссисипи, и, снова услышав приближавшиеся шаги и голоса, они встрепенулись, оглянулись на запад, в сторону Миссури, и с волнением стали ждать появления тех, кому принадлежали голоса. Настил старого моста тонул в тумане, но каком-то необычном; в безоблачном небе ярко сверкали звезды. Туман был каким-то зловещим — он поднимался с реки, лип к лодыжкам и полз выше, мешая обзору. Робин обеспокоенно глянула на Джулию, ища у старшей сестры поддержки.

— Вот теперь мы влипли, — прошептала Робин, сжимая руку сестры, — это уж точно копы.

Джулия вместо ответа вынула из пальцев Тома зажженную сигарету и сделала глубокую затяжку. Мысленно она уже репетировала речь в духе «мы правда не знали, что сюда нельзя», сопровождаемую наивным хлопаньем ресницами. Впрочем, ей никогда не удавалось в аналогичной ситуации никого умаслить, но она надеялась как-нибудь выкрутиться.

Когда из ночного тумана возникли лица Грея и троих его приятелей, они облегченно вздохнули. Тома начала немного успокаивать эта череда оказывавшихся беспочвенными волнений.

— Это те самые четверо парней. Господи, Робин, нельзя так пугать! — сказала Джулия, легонько шлепнув сестру по руке.

Робин хихикнула, и все трое расслабились. Четверка приближалась. Антонио Ричардсон подбежал к перилам, наклонился и прокричал что-то, приветствуя людей внизу. Те крикнули в ответ и пригласили ребят к костру. Том, Робин и Джулия поняли, что их тоже приглашают, но чувствовали себя посторонними.

— Мы спускаемся! — крикнул Ричардсон. — Лишние спальники найдутся?

Один из сидящих у костра показал большой палец. Ричардсон хохотнул и вернулся к товарищам.

Том, Робин и Джулия направились на запад, к ожидающему их на берегу Миссури «шершню». Четверка новых знакомых шла за ними, непринужденно болтая. Никто из них не объяснил, почему они все еще на мосту и не ушли полчаса назад, как собирались. Но сестры с братом уже не переживали — все же за тот вечер пока еще не случилось ничего неприятного или даже просто необычного.

Ребята подошли к резкому изгибу посередине старого моста, и Джулия снова занервничала — она внезапно осознала, что вокруг никого нет, а четверо парней сзади как-то притихли. Она достала из пачки «Мальборо-лайт» сигарету и закурила, осветив на мгновение свое лицо зажигалкой. Клемонс с Уинфри незаметно обогнали своих приятелей; Грей с Ричардсоном держались чуть позади.

Прикрывая руками огонь зажигалки, а заодно и рот, Джулия шепнула шагавшему рядом кузену: «Том, мне это не нравится. Кажется, эти парни нас преследуют или что-то типа того».

Робин шла впереди и чуть левее, сунув руки глубоко в карманы старого коричневого блейзера, и пыталась разглядеть в темноте граффити на настиле. Том, стараясь не поддаваться панике, начал лихорадочно соображать. Других автомобилей, припаркованных рядом с «шершнем» на Ривервью-Драйв, он не помнил. Возможно, их преследователи собирались угнать их машину.

— Что будем делать? — прошептала Джулия.

Том понятия не имел. Вероятность того, что им удастся убежать, была невелика. Он покачал головой.

— Не знаю, — ответил он. — Пока просто иди дальше и не расслабляйся.

Джулия, подумав, что лучше не разделяться, тихонько подозвала Робин и шепнула что-то ей на ухо. Та глянула на сестру расширившимися от страха глазами, но молча кивнула. Шедший в паре метров позади них Грей заметил эти то ропливые переговоры и решил, что пора действовать.

Несмотря на растущее чувство страха, ребята не смогли подготовиться к внезапному нападению. На плечо Тома тяжело опустилась рука, и тот же голос, при звуках которого еще совсем недавно они испытали облегчение, зловеще произнес: «Иди сюда. Надо поговорить».

Том невольно развернулся и в шести дюймах над собой увидел насмешливую улыбку Грея. Тот потянул его за руку, подальше от сестер, и Том понял, что с ними беда.

Джулию застали врасплох, напав сзади; сигарета вылетела у нее из пальцев, описав в воздухе дугу и прочертив след из багровых искр. Они с Робин вырывались и кричали, но их оттаскивали от Тома. Робин попыталась наугад лягнуть нападавшего, но промахнулась. Мир для Тома внезапно накренился, и в следующее мгновение он обнаружил себя лежащим на асфальте, щекой к настилу моста, прижатый стоящей на его шее ногой.

— Не повезло тебе сегодня, чувачок, — услышал он, но кто это сказал, не видел. — Ты влип. Ты реально влип.

Нападавший приказал Тому не дергаться и добавил, что пристрелит его, если он попытается повернуть голову. Том открыл рот, но из груди не вырвалось ни звука. Он лежал, не двигаясь, сердце у него бешено колотилось где-то у горла. В следующий миг он почувствовал, что ногу с его шеи медленно убрали, и задышал глубже, стараясь не шевелиться.

К первому голосу присоединился второй. Том слышал удалявшиеся крики Джулии и Робин: «Отпусти меня!» и «Что ты делаешь, мне же больно!» Внезапно Тома настигло осознание ужаса происходящего с его сестрами. Он вскинул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из темных фигур валит Джулию на настил. Тут же нога Грея вновь оказалась у него на шее.

— Пристрелю, ублюдок! — пригрозил он, прижимая Тома лицом к асфальту. — Клянусь, еще раз шевельнешь башкой, и я тебя пристрелю, жирдяй.

Через пару минут Том вновь почувствовал, что нога исчезла с его шеи, и расслабил мышцы. Он не двигаясь лежал

на настиле старого моста у ног бугая Грея и отчаянно пытался собраться с мыслями. «*Не психуй, а думай*», — внушал он себе. Он всегда считал, что помочь человеку выжить в критической ситуации может лишь спокойная и трезвая рассудительность, но теперь понял, что он на нее попросту не способен. Он вообще не мог думать и едва осознавал реальность происходящего, и лишь впивавшаяся в щеку щебенка грубого покрытия мешала поверить, что весь этот кошмар ему снится.

Над Томом, сменив Грея, встал другой парень, а Грей направился к девушкам. Слыша, как кричит, вырываясь, Джулия, Том заплакал. Робин подозрительно затихла.

— Жить хочешь? — Один из нападавших навис над Джулией. — Тогда снимай штаны, не то сброшу с моста. Считаю до трех. Один. Два. Три.

Том услышал всхлипы сестры, и у него затряслись плечи. Его «тюремщик» наклонился над ним так низко, что Том уловил его жаркое дыхание. В лицо ему полетели брызги слюны, когда тот произнес:

— Я еще никого не мочил. Прикольно, наверно.

Том пытался сосредоточиться на шуме воды в реке и машин, проезжающих по соседнему мосту — на чем угодно, кроме приглушенных звуков истязания его сестры. Охранник Тома в очередной раз сменился; на сей раз пост занял Уинфри, единственный в компании белый. Он уселся у Тома на спине и спросил, есть ли у него с собой деньги. Том ответил, что есть, и Уинфри приказал ему медленно вывернуть карманы. Том аккуратно вытащил из одного кармана нейлоновой куртки деньги, их было немного, а из другого — ключи от дедушкиного дома. Уинфри приказал Тому положить все это на асфальт перед собой, и тот подчинился. Уинфри, поерзав на спине Тома, почувствовал в заднем кармане его джинсов что-то объемистое, решил, что это бумажник и достал его сам, но открыв, не на шутку переполошился:

— Слышь, это чо, на хрен, за бляха?

— Я пожарный, — максимально спокойно ответил Том. — Просто пожарный. Я не коп.

Уинфри это объяснение, кажется, успокоило. Он вытащил бляху из бумажника, повертел в руках, рассматривая в свете луны, а затем спрятал себе в карман. Туда же отправилось водительское удостоверение Тома вместе с несколькими фотографиями, после чего Уинфри вернул пустой бумажник в задний карман джинсов Тома. Уинфри явно нравилось играть роль тюремщика — он прямо-таки наслаждался страхом, который внушал своей жертве.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, вставая со спины Тома и потягиваясь, — хорошо, что мои друзья не пидоры. А то бы и тебя отодрали.

И засмеялся, будто ожидал, что Том порадуетя шутке и засмеется вместе с ним.

Том крепко сжал челюсти и кулаки, но промолчал. Он не собирался поддаваться на провокации негодяя. У него резко скрутило живот, к горлу подступила желчь. Он испугался, что его сейчас вырвет — прямо так, лежа щекой на асфальте, с ногой Уинфри на спине. Мысль о пистолете помешала ему шевельнуться.

Несколько минут спустя он услышал голоса. Они доносились издалека, но звучали достаточно отчетливо, чтобы он понял: парни обсуждают, кого убить первым. Затем он услышал шаги — к нему подошел Клемонс и без всякого предупреждения с силой пнул по ребрам. Стоявший рядом Уинфри, видя, как Том корчится и шипит от боли, заржал.

Клемонс, воодушевленный благодарной аудиторией, воскликнул: «Да брось, разве это больно?» — и ударил Тома еще раз, сильнее. После четырех или пяти ударов Том уже не двигался. Он знал, что его мучения несравнимы с тем, через что только что прошли Джулия и Робин. Клемонс, обозленный отсутствием реакции со стороны жертвы, опустил ногу на затылок Тома, впечатывая его лицом в асфальт.

— Я оттрахал твою девчонку, — сообщил он, переходя к более изощренной пытке. — Что скажешь?

Он понимал, что бьет в самое уязвимое место, и не просчитался. У Тома снова сжался желудок, будто сдавленный железной рукой. Но он не собирался доставлять Клемонсу ожидаемое удовольствие.

— Они мои двоюродные сестры, — стоически ответил он, не стыдясь катящихся по лицу слез.

— Ах, сестры... — с усмешкой протянул Клемонс. Убрал ногу с головы Тома, пнул его еще раз и приказал: — Вставай.

Они с Уинфри подняли Тома на ноги и, согнутого пополам, повели туда, где он в последний раз видел сестер. Он уже некоторое время не слышал их голосов и приготовился к худшему. Двое парней оттащили его футов на пятьдесят в сторону Миссури и резко остановились. Том стоял, перегнув спину почти под прямым углом, и видел перед собой один из открытых люков. Начерченные на настиле классики на месте последнего поля заканчивались зияющей черной дырой. После всего случившегося вид этой детской игры, такой здесь несуразной, наполнил сердце Тома ужасом. И никаких признаков Джулии и Робин.

Один из парней пнул Тома в голень и спросил, что на нем за обувь.

— «Найк Эйр».

— Какой размер?

— Десять с половиной.

— Ну все, хана тебе, богатенький жирдяй.

В ту же секунду кто-то схватил Тома за воротник, натянул куртку ему на голову и повалил на настил моста. Он затрясся всем телом в ожидании смертоносного выстрела, но никто не стрелял. На его прикрытый курткой затылок опустилась чья-то рука.

— А знаешь что? — услышал он голос. — Ты мне нравишься. Я тебя не убью. Да, пожалуй, я не стану тебя убивать.

За бешеным стуком собственного сердца и грохотом молотков в висках Том едва различал слова, но все же уловил еще один голос. Нападавшие спорили. Первый требовал

убить Тома, второй отвечал, что уже пообещал оставить богатенького в живых. Том подумал о восемнадцати долларах, которые забрал у него Уинфри, и удивился: о каком «богатеньком» они говорят.

Спорщики все не утихали. Уинфри наклонился чуть ли не к самому уху Тома и спросил:

— А что, в Вашингтоне такое бывает?

Его голос звучал почти дружелюбно. Том готов был поклясться, что парень над ним не издевается, а на самом деле пытается просто с ним поболтать. Парень, который только что помогал насилловать его сестер, ограбил его и собирался принять участие в его убийстве, хотел с ним по-дружески поболтать.

— Со мной не бывало, — ответил Том. Ничего лучше ему в голову не пришло.

— Это со *мной* не бывало, — передразнил его Уинфри. — Но ты сейчас в Сент-Луисе. Добро пожаловать! — И захихикал.

Спор о том, сохранять ли Тому жизнь, все продолжался, но он в него уже не вслушивался. Потом вдруг наступила тишина, оглушительная и еще более страшная, чем обсуждение его убийства. Его схватили за плечо, подтащили к люку с дурацкими классиками и усадили на край, заставив спустить вниз ноги. Из-за натянутой на голову куртки Том почти ничего не видел. Один из нападавших приказал ему лезть на нижний настил. Кое-как спустившись, Том с трудом разглядел в темноте под люком дрожащие фигурки Джулии и Робин. Они лежали рядом, обе без одежды. К глазам Тома подступили слезы облегчения, а в горле встал здоровенный пульсирующий ком, мешавший дышать. Чей-то голос приказал Тому лечь рядом с ними, и тот повиновался, радуясь, что нашел сестер.

Света едва хватало, чтобы Том понял, что Джулия, как и Робин, лежит на спине, справа от нее; глаза у обеих были закрыты. Джулия тихо, почти неслышно бормотала что-то нараспев, словно пела Робин колыбельную.

— Скоро все кончится, — повторяла она. — Все будет хорошо.

Между тем в нескольких футах над ними четверка обсуждала, что им дальше делать со своими жертвами. Но те, в оцепенении от пережитого, к ним не прислушивались, слишком измученные, чтобы насторожиться. Том перевернулся на живот, и правой рукой коснулся правого бока Робин. Она дрожала всем своим хрупким телом, наполняя Тома бессильной злобой.

— Не бойся, Робин, скоро все кончится, — твердила Джулия. — Все будет в порядке.

Ее слова предназначались Робин, но Тому стало от них чуть теплее. Три-четыре минуты спустя голоса над ними стихли и из люка на настил с глухим стуком спрыгнули Клемонс и Ричардсон.

— Подъем! — скомандовал один из них.

Том и Джулия медленно поднялись на ноги. Робин, намертво скованная страхом и отвращением, даже не шелохнулась. Парни стояли в тени в паре футов от ребят.

— Давай, двигай. Вон туда, — приказал Клемонс, указывая на бетонный выступ.

Робин его как будто не слышала. Она пребывала в отключке, словно ее разум отказывался признавать, что творят с ее телом.

Том выбрался на выступ. Происходящее с трудом доходило до его сознания. Он смотрел на бегущую внизу буроватую, поблескивающую в лунном свете воду; мысли в голове будто опухли и еле ворочались. Ему показалось, что там не очень высоко — пожалуй, есть шанс остаться в живых. Впервые за все время, что длился этот кошмар, Том поверил, что, может быть, он действительно скоро кончится. Двое парней орала на Робин, чтобы заставить ее встать, и Том повернулся, готовый помочь сестре пережить последние жуткие минуты нападения. Но двигался он медленно, будто в страшном сне, когда пытаешься закричать, но не можешь, хочешь убежать, но ноги тебя не слушаются.

Он успел увидеть, как Клемонс схватил Робин и швырнул ее тельце на выступ рядом с сестрой. Она казалась такой маленькой, почти невесомой. С трудом поднявшись на ноги, она пошатнулась и сделала шаг в сторону Тома. Ни одежды, ни обуви на ней не было, но она, кажется, этого не замечала. Ухватившись обеими руками за локоть брата, она прижалась к нему, ища посреди творящегося ужаса хоть немного тепла и поддержки.

Он обнял ее в ответ, чтобы согреть своим телом. Она печально смотрела в холодном свете апрельской луны на свои босые ноги, такие крошечные на фоне шершавого бетона. Они были в порезах и ссадинах, но по сравнению с тем, что ей пришлось пережить, это казалось пустяком.

Позади нее стояла Джулия, на которой из одежды осталась лишь зеленая в клетку фланелевая рубашка. Тома поразило, насколько она изменилась — за несколько часов, миновавших после их семейного ужина, она будто постарела на десятки лет. Джулия инстинктивно прижалась к сестре, пытаясь ее защитить и утешить.

Три жертвы застыли в ряд на бетонном выступе, беспомощно ожидая приговора от своих палачей. Том стоял с краю, Джулия — ближе к настилу, Робин — между ними. Клемонс держался в тени, а Ричардсон, желая обозначить свое присутствие, ступил на выступ, крепко ухватившись за один из металлических стержней мостовой балки.

Сестры и брат прижимались друг к другу и тихонько перешептывались. Это нельзя было даже назвать разговором — они просто обменивались еле слышными междометиями, стремясь успокоить друг друга. Ричардсон рывкнул, чтобы они расцепились и смотрели вперед. Робин, выпуская правую руку Джулии и левую — Тома, сжалась от отчаяния.

— А ну разошлись! — добавил Ричардсон.

Трое отодвинулись друг от друга. И тут-то все и случилось.

Никакие жестокости последнего часа не смогли подготовить их к тому, что произошло. Ужас, застывший на лице

Джулии, которую столкнули с выступа, не поддавался описанию. Робин не издала ни звука, наблюдая за падением сестры. Том сдавленно ахнул и повернулся к Ричардсону, который с силой пихнул Робин в спину, и та с криком отправилась вслед за сестрой в илистую воду под мостом.

Том замер с открытым ртом и в полной тишине смотрел на ухмылявшегося Ричардсона. Оглушенный, охваченный ужасом, окаменевший, он вглядывался в его беспощадное лицо, в холодные безжалостные глаза.

— Прыгай, или... — еще шире ухмыльнулся Ричардсон.

Помня о пистолете, Том не стал ждать продолжения. Не тратя и доли секунды, молча и даже не дыша, он шагнул в пустоту. Он падал и ждал пули в затылок.